

Чочиев Георгий Витальевич

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX В.

В XVII в. Османская империя столкнулась с острой проблемой депопуляции сельской местности и, как следствие, падением налоговых поступлений и сужением источников обеспечения нужд армии. Это актуализировало для стамбульских властей задачу изыскания новых ресурсов пополнения аграрного налого- и военнообязанного населения. Начавшийся в последней четверти XVIII в. приток мусульманских переселенцев и беженцев из утраченных владений и сфер влияния Порты предоставил ей необходимый демографический "материал". С этого времени вплоть до начала XX в. стимулирование и регулирование иммиграции составляли одно из важнейших направлений османской государственной политики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Говорова Н. В.** Мигранты в Европейском союзе: социальный профиль // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения = Migration in Europe: Problems and Remedies / под ред. Н. Б. Кондратьевой (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 27-38.
2. **Arbeitslosenquote, insgesamt** [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tsdec450&plugin=1> (дата обращения: 13.07.2017).
3. **Asylbewerber und erstmalige Asylbewerber – jährliche aggregierte Daten (gerundet)** [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tps00191&plugin=1> (дата обращения: 13.07.2017).
4. **Asylbewerber und erstmalige Asylbewerber – monatliche Daten** [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tps00189&plugin=1> (дата обращения: 12.07.2017).
5. **Der Arbeitsmarkt in Deutschland – Menschen mit Migrationshintergrund auf dem deutschen Arbeitsmarkt.** Nürnberg: Bundesagentur für Arbeit, 2014. 12 S.
6. **EU-Turkey Statement, 18 March 2016** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/> (дата обращения: 12.07.2017).
7. **Europa 2020 – Beschäftigungsindikatoren. Erwerbstätigenquote der 20- bis 64-Jährigen in der EU im Jahr 2015 bei über 70%** [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7240298/3-26042016-AP-DE.pdf/8652326b-ddd1-4d77-bb46-4ab282be4f97> (дата обращения: 12.07.2017).
8. **Fortschritte im Bereich der Migration** [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/2-years-on-migration_de.pdf (дата обращения: 11.07.2017).
9. **Integration von Migranten in den EU-Arbeitsmarkt im Jahr 2015. Erwerbsquote bei Nicht-EU-Bürgern niedriger als bei Staatsbürgern** [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7437906/3-06062016-AP-DE.pdf> (дата обращения: 12.07.2017).
10. **Migrant Integration Policy Index 2015.** Barcelona – Brussels: CIDOB and MPG, 2015. 225 p.
11. **Sechs Milliarden Euro mehr für Flüchtlinge** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/koalitionsgipfel-sechs-milliarden-euro-mehr-fuer-fluechtlinge-13788961.html> (дата обращения: 12.07.2016).

**SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF MIGRANTS' INTEGRATION IN THE STATES
OF THE BALTIC REGION UNDER CONDITIONS OF THE MIGRATION CRISIS IN 2014-2015**

Khrishkevich Tat'yana Georgievna, Ph. D. in History, Associate Professor
Pskov State University
faschoda@mail.ru

The article reveals the peculiarities of social-economic integration of migrants in the countries of the Baltic region in the context of the migration crisis of 2014-2015. Particular attention is paid to the place of migrants in labor markets and employment levels. The paper refers to indicators that affect the degree of integration: the level of unemployment in the country, the professional qualifications of migrants, access to education and retraining, etc. As a result, the author comes to conclusion about the advisability of deepening migrants' economic integration due to changes in the demographic situation in the countries of the Baltic region.

Key words and phrases: Baltic region; migration crisis; migration policy; migrants' integration; labor market.

УДК 94

Исторические науки и археология

В XVII в. Османская империя столкнулась с острой проблемой депопуляции сельской местности и, как следствие, падением налоговых поступлений и сужением источников обеспечения нужд армии. Это актуализировало для стамбульских властей задачу изыскания новых ресурсов пополнения аграрного налого- и военно-обязанного населения. Начавшийся в последней четверти XVIII в. приток мусульманских переселенцев и беженцев из утраченных владений и сфер влияния Порты предоставил ей необходимый демографический «материал». С этого времени вплоть до начала XX в. стимулирование и регулирование иммиграции составляли одно из важнейших направлений османской государственной политики.

Ключевые слова и фразы: Османская империя; демографический кризис; иммиграция; Переселенческая комиссия; панисламистская политика.

Чочиев Георгий Витальевич, к.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук*
georg-choch@yandex.ru

**ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.**

Заслуживающим внимания феноменом, характерным для последних полутора столетий истории османского государства, является массовый приток мусульманских иммигрантов и беженцев различного этнического

происхождения из сопредельных областей в султанские владения, их расселение там и постепенная интеграция в доминирующее общество. Примерно с последней четверти XVIII вплоть до первой четверти XX в. – параллельно усилению дезинтеграционных тенденций в империи и отпадению от нее территорий и сфер влияния на европейском, азиатском и африканском континентах в результате национально-освободительной борьбы покоренных народов и экспансионистской политики великих держав – во все еще остававшиеся под контролем стамбульского руководства провинции происходила постепенно нарастающая миграция групп населения, которые ранее составляли в утраченных регионах опору османского государства (и, как правило, были связаны с ним историческими, этническими и религиозными узами), однако с ликвидацией его политического и военного присутствия (или прекращением попыток его установления) оказались не в состоянии адаптироваться к условиям, возникшим в итоге смены международно-правового статуса территорий их проживания.

Миграционные процессы подобного рода самым существенным образом затронули не только области, которые на протяжении столетий были непосредственно включены в османскую административную систему (Балканы, эгейские острова, Крит, Кипр, ряд арабских и закавказских провинций), но и территории, находившиеся в прошлом лишь в вассальной зависимости от Стамбула (например, земли бывшего Крымского ханства), а также регионы, суверенитет Порты над которыми никогда не распространялся дальше декларативных претензий и эпизодических попыток их подкрепления малоуспешными военными и политическими акциями (большая часть Северного Кавказа). В орбиту этого движения от окраин стремительно сжимающегося османского геополитического пространства к его внутренним частям были вовлечены как группы, возникновение которых исторически было связано с целенаправленной колонизационной политикой Порты на завоеванных землях в XIV–XVII вв. (прежде всего, турецкое население Балканского полуострова и некоторых других неанатолийских провинций), так и существенные сегменты автохтонного населения ускользающей османской периферии (исламизированные субгруппы коренных этносов Болгарии, Сербии, Боснии, Греции, Албании, Грузии, часть крымскотатарского и северокавказских народов и т.д.). При этом, несмотря на подавляющее преобладание среди иммигрантов мусульман, в отдельных случаях в этой роли выступали и небольшие неисламские общины.

В зависимости от конкретных военных, политических и социально-экономических обстоятельств, сопутствовавших ослаблению влияния Стамбула и утверждению власти новых суверенов на тех или иных территориях, различные этнические сообщества на упомянутом пространстве оказались вовлечены в миграционное движение в направлении османских пределов в неодинаковой степени: если одни из них были втянуты в него практически в полном составе или очень значительной своей части, то другие «делегировали» лишь сравнительно небольшие доли своего населения. В силу тех же факторов в разное время и в разных местах существенно варьировались и характер, и темпы миграции – от катастрофического вынужденного исхода в крайне ограниченные сроки ввиду необеспеченности безопасности жизни и имущества или прямой депортации (обычно вслед за военными поражениями) до растянутого на многие десятилетия процесса постепенного и относительно добровольного переселения преимущественно по экономическим и религиозным мотивам. Характерной особенностью рассматриваемого явления было то, что по мере отпадения от империи все новых и новых провинций целый ряд иммигрировавших групп оказывался перед необходимостью смены мест своего проживания два, а иногда и более раз, пока в конечном счете подавляющее их большинство не обрело свое постоянное пристанище в нынешних границах Турецкой Республики – в Анатолии и Восточной Фракии.

По основанным на архивных данных расчетам К. Карпата, общее число прибывших на указанную территорию в османскую эпоху переселенцев из прежних владений и зон влияния Порты или соседних с ними регионов составило не менее 5 млн человек [10, p. 11, 55]. Для сопоставления отметим, что, по весьма приблизительным, но все же дающим достаточно верное представление о реальной ситуации данным османской статистики, в 1840-х гг., то есть до начала наиболее интенсивных иммиграций, население империи насчитывало 35,3 млн чел., из которых в европейских провинциях проживало 15,5 млн, в азиатских – 16 млн (в том числе 10,7 млн – в Анатолии), в африканских – 3,8 млн. При этом численность мусульман составляла 21 млн (из них 4,5 млн – в Европе, 12,6 млн – в Азии и 3,8 млн – в Африке), православных – 13 млн, католиков – 0,9 млн чел. Этнических турок (*османлы*) насчитывалось 12,8 млн (2,1 млн – в Европе и 10,7 млн – в Азии), славян – 6,2 млн, арабов – 4,7 млн, румын – 4 млн, армян – 2,4 млн, греков – 2 млн, албанцев – 1,5 млн, курдов – 1 млн чел. [7, s. 73; 13, p. 18-19].

Столь многочисленный иммиграционный поток, несомненно, в решающей мере являлся следствием дискриминационной, репрессивной или депортационной политики возникших на месте бывших владений Порты молодых независимых государств (прежде всего, на Балканах) и аннексировавших отдельные османские территории европейских держав в отношении местных мусульманских групп, которые зачастую рассматривались новыми властями как недостаточно благонадежные (протурецкие) и демонстрирующие слишком явные этнические, религиозные и культурные отличия от доминирующей части населения.

Однако наряду с данной «силой выталкивания» неугодных меньшинств на интенсивность и массовость иммиграционного процесса в весьма заметной степени влияла и «сила притяжения» самой бывшей метрополии, обусловленная комплексом факторов социально-экономического и политико-идеологического характера. В частности, обозначившаяся в османском государстве с рубежа XVI–XVII вв. устойчивая тенденция к депопуляции сельской местности привела к значительному сокращению зоны культурного земледелия, снижению производства аграрной продукции, падению налоговых поступлений и сужению источников обеспечения нужд армии. Это, в свою очередь, толкало власти к поиску новых ресурсов пополнения аграрного налого- и военно-обязанного населения для реанимирования экономической и военной мощи империи [5, s. 89-97; 10, p. 61-62].

Начавшиеся с последней четверти XVIII в. иммиграции на османскую территорию значительных масс людей извне, безусловно, предоставляли Порте столь необходимый ей демографический «материал». Вслед за имевшим место в конце XVIII в. переселением в султанские пределы в поисках постоянного убежища нескольких десятков тысяч крымских татар в результате падения Крымского ханства на подконтрольные Стамбулу земли на протяжении всей первой трети следующего столетия продолжали волнами прибывать новые партии мигрантов-мусульман из Бессарабии, Молдавии, Валахии, Добруджи, Сербии, Морей, а также Ширвана, Карабаха, Эривани, Месхетии и других районов [6, s. 32-38], что, как правило, бывало связано с очередными поражениями Порты в войнах с Россией и антиосманскими восстаниями в некоторых из указанных регионов.

При этом характерно, что если на первых порах усилия Порты в этой области были нацелены на то, чтобы наиболее оптимальным для государства и по возможности наименее болезненным для самих переселенцев образом осуществить их расселение и обустройство на территории страны, то есть на то, чтобы как можно эффективнее распорядиться спонтанно возникшим людским потенциалом, то со временем все более серьезное внимание стало уделяться и мерам по целенаправленному стимулированию иммиграции. Одним из первых проявлений этого подхода можно считать факт включения в Адрианопольский мирный договор 1829 г. статьи о предоставлении османским и российским подданным права на свободный и беспрепятственный переезд из пределов одной из договаривающихся сторон в пределы другой в течение полуторалетнего срока после его заключения (заинтересованность в данном пункте России, по-видимому, также объяснялась соображениями демографического свойства) [1, с. 155].

Любопытно, что вплоть до резкого обострения во второй половине XIX в. религиозно-политических и этнотерриториальных противоречий в империи другой стороной заботы османской администрации о численности народонаселения являлось всемерное противодействие эмиграции представителей немусульманских общин, в том числе и в тех случаях, когда лояльность последних Порте была сомнительной. Так, власти не только предпринимали активные усилия для того, чтобы убедить подданных-немусульман отказаться от намерения покинуть страну, но нередко даже по прошествии многих лет проявляли готовность принять обратно и восстановить в правах желающих реэмигрировать (наиболее массовые случаи подобного рода касались нескольких тысяч семей османских болгар и армян, переселившихся в Россию вслед за русско-турецкими войнами 1806-1812 гг. и 1828-1829 гг., но впоследствии вернувшихся назад [4, s. 365-408; 11, s. 145-161]). Это обстоятельство подтверждает, что по крайней мере до середины XIX в. в основе демографических решений османских властей лежали прежде всего расчеты экономического и социального характера.

Вместе с тем следует указать, что, несмотря на постепенное превращение иммиграций в заметное общественное явление, количество прибывшего в первые десятилетия после их начала населения было все-таки несоизмеримо меньше объективных потребностей государства в человеческих ресурсах. Более того, примерно с середины 1830-х до середины 1850-х гг. в данном процессе наблюдался очевидный спад, связанный с некоторой стабилизацией международного положения Османской империи и укреплением позиций центральной власти в большинстве проблемных пограничных провинций (в 1861 г. французский консул в Измире, отмечая тщетность колонизационных усилий Порты в Западной Анатолии, рекомендовал даже прибегнуть, с целью преодоления аграрно-демографического кризиса в этом регионе, ко ввозу населения из «черной» Африки [9, p. 24]). Самые значительные факты иммиграции в этот период были отмечены не из исламских регионов, а из Центральной Европы, и были вызваны подавлением революционных и национально-освободительных движений 1848-1849 гг. в Польше и Венгрии. При этом немалая часть из тысяч польских, венгерских и других иммигрантов вскоре после переселения приняла ислам и влилась в состав османской военной, бюрократической и интеллектуальной элиты, поселившись в основном в Стамбуле и других крупных городах [3].

Отражением чрезвычайной заинтересованности Порты в привлечении населения из-за рубежа следует считать принятый ею в 1856 г. акт, устанавливавший весьма либеральные условия приема и расселения иммигрантов. Этот документ, в котором впервые были сформулированы некоторые базовые принципы османской иммиграционной и колонизационной политики, провозглашал, что все иностранцы, желающие стать подданными султана, готовые уважать османские законы и имеющие минимальный семейный капитал в размере 60 золотых *меджидие* (около 1,5 тыс. французских франков), могут получить участки плодородной пахотной земли из казенного фонда практически в любой части империи. Такие поселенцы были обязаны обрабатывать предоставленные им земли и воздерживаться от их продажи в течение 20 лет. Взамен они подлежали освобождению от налогов и военной службы сроком на 6 лет при поселении в европейских провинциях и на 12 лет – в азиатских. Особо подчеркивалось отсутствие каких-либо конфессиональных или этнических ограничений для иммиграции, и всем переселенцам-немусульманам гарантировалась полная религиозная свобода [10, p. 62].

Этот акт был, несомненно, задуман его авторами прежде всего с целью поощрения притока квалифицированной сельскохозяйственной рабочей силы и капиталов из западных стран. Тем не менее, несмотря на довольно широкий отклик на него в последующие годы именно со стороны европейцев, на практике их обращения об иммиграции нечасто встречали поддержку османских властей [Ibidem, p. 62-63]. Такая непоследовательность действий Порты может быть объяснена, с одной стороны, ее усилившимися опасениями и подозрительностью относительно благонадежности собственного христианского населения и позиции в этой связи европейских государств, что способствовало формированию убеждения в нежелательности увеличения удельного веса немусульманского элемента как в империи в целом, так и отдельных ее областях, а с другой – тем обстоятельством, что после окончания Крымской войны вновь стала быстро набирать темпы иммиграция в османские пределы десятков, а вскоре и сотен тысяч мусульман, представленная главным образом выходцами

из южных российских регионов – сначала преимущественно крымскими татарами и ногайцами, а затем во все большей степени черкесами и другими северокавказскими народами. Именно под влиянием этих иммиграций османское руководство впервые сочло необходимым учредить при правительстве специальную службу по делам вновь прибывающего населения – Переселенческую комиссию (*Мухаджирин Комисйону*), – указ о чем был издан султаном в начале 1860 г. [6, s. 55-56]. С конца же 1870-х гг. – после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и позже – на роль ведущего элемента в данном потоке выдвинулись балканские мусульмане, прибывавшие в основном из Болгарии, Северной Греции, Боснии, Македонии и Албании. Значительно меньшие, хотя и существенные контингенты переселенцев в этот период поставлялись также такими регионами, как Северная Африка, Крит, Кипр, Кавказ и др.

Приблизительно с этого времени основная задача османских властей стала сводиться уже не только к стимулированию иммиграции, но и к ее регулированию, а порой и сдерживанию, поскольку зачастую вброс крупных людских масс в империю происходил стихийно, в силу не зависящих от Стамбула внешних факторов, что серьезно осложняло проблему их обустройства. В эти же годы была окончательно отвергнута политика недифференцированного по этноконфессиональным показателям поощрения иммиграции, и стала достаточно твердо проводиться в жизнь в духе доктрины панисламизма линия на допуск в страну извне исключительно мусульманского, а с рубежа XIX-XX вв. – во все большей степени тюрко-мусульманского элемента [12, s. 73] (этот подход в дальнейшем стал основополагающим в иммиграционной политике Турецкой Республики). В целом, именно вторая половина XIX – начало XX в. были наиболее результативным с точки зрения механического роста населения периодом османской истории, в течение которого в страну прибыло абсолютное большинство всех мигрантов за последние полтора столетия существования империи.

Несмотря на очевидность того факта, что либерализм османской иммиграционной политики в решающей мере был продиктован социально-экономическими и политическими обстоятельствами, связанными в конечном счете с неблагоприятной демографической ситуацией, не следует недооценивать и влияние на позицию стамбульской администрации в данном вопросе факторов религиозно-идеологического и психологического характера.

С одной стороны, необходимо учесть, что, в соответствии с давней османской традицией, важнейшим моральным и религиозным долгом султана как носителя духовного статуса лидера исламского мира – халифа – являлось оказание гостеприимства и покровительства единоверцам, пострадавшим от несправедливости и притеснений во владениях немусульманских правителей. Исходя из этого, предоставление приюта и защиты всем стремящимся обрести их на османской территории трактовалось как священная обязанность султана-халифа и дело чести государства. Неслучайно в официальных документах чаще всего именно необходимостью спасения от гонений со стороны «неверных» мотивировались решения Порты о приеме и расселении иммигрантов, в том числе и в тех случаях, когда гораздо более материальные причины ее заинтересованности в этом были вполне очевидны. В качестве образчика подобного объяснения необходимости приема иммигрантов (не лишнего к тому же некоторой доли имперского снобизма) можно привести фрагмент переписки между правительственными ведомствами в связи с прибытием в Османскую империю переселенцев с Северного Кавказа: «...хотя Высокому Государству достаточно его нынешних подданных (!), отказ от многочисленного населения, которое, покинув свою родину в стремлении найти приют под высочайшим покровительством хранящего ислам государства, просит его о защите и милосердии, и оставление этого населения жестокости и насилию вышеупомянутого государства (России. – Г. Ч.) являются неподобающими славе и предназначению высочайшего халифата...» [8, s. 103]. Однако оборотная сторона указанного подхода проявлялась в том, что османскому руководству, дабы не подрывать престиж института халифата в глазах мусульман как внутри империи, так и за рубежом, нередко приходилось санкционировать въезд в страну иммигрантов и беженцев в таком количестве и в столь сжатые сроки, что это с неизбежностью вело к серьезным экономическим, социальным и политическим осложнениям для государства ввиду отсутствия у него необходимых средств для быстрого и эффективного обустройства переселенцев.

С другой стороны, не вызывает сомнений, что глубоко сочувственное и уважительное отношение к иммигрантам как людям, испытавшим лишения из-за своей преданности исламу и османскому государству, разделялось и подавляющим большинством приверженного традиционной исламской этике мусульманского населения империи, воспринимавшим данное явление в значительной мере сквозь призму восходящей ко временам коранической хиджры установки на безусловное покровительство и помощь «правоверным изгнанникам». В этой связи заметим, что арабский термин *мухаджир*, который, как правило, использовался для обозначения иммигрантов в Османской империи, содержал в себе, наряду со значением «переселенца» в широком смысле, и более узкую коннотацию «религиозного переселенца-беженца» [2]. При этом массовое сознание в стране явно было склонно не замечать того обстоятельства, что религиозный фактор в большинстве случаев отнюдь не являлся единственным и даже главенствующим среди причин миграции. Несмотря на то, что приток со второй половины XIX в. больших масс иммигрантов временами порождал немалую напряженность в их взаимоотношениях с коренным населением в отдельных районах (на почве соперничества за доступ к местным материальным и хозяйственным ресурсам, трений этнокультурного характера и др.), в целом, благожелательность османско-мусульманского общества к иммигрантам не претерпела значительных изменений и оказывала стимулирующее воздействие на готовность Порты к их приему вплоть до конца империи.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода иммиграционная политика османского государства претерпела заметную эволюцию от преимущественно спонтанных мер реагирования на зачастую неожиданный приток населения из различных частей сжимающейся имперской периферии к более продуманной

и прагматичной стратегии, предполагавшей определенное прогнозирование миграционного потенциала отдельных регионов и дифференциацию переселенцев по этноконфессиональному признаку. Тем не менее, мотивы религиозно-идеологического порядка также неизменно оказывали влияние на характер принимаемых Портой в данной сфере решений.

Список источников

1. Шеремет В. И. Турция и Адрианонопольский мир 1829 г. М.: Наука, 1975. 224 с.
2. Ahmad A. The Shrinking Frontiers of Islam // International Journal of Middle East Studies. 1976. № 2. P. 145-159.
3. Ahmed R. Türkiye’de Mülteciler Meselesi: Macar ve Leh Mülteciler (1849-1851). İstanbul: Matbaa-i Amire, 1926. 259 s.
4. Beydilli K. 1828-1829 Osmanlı-Rus Savaşında Doğu Anadolu’dan Rusya’ya Göçürülen Ermeniler // Belgeler. 1988. № 17. S. 365-434.
5. Çelik G. Osmanlı Devleti’nin Nüfus ve İskan Politikası // Divan. 1999. № 1. S. 49-110.
6. Eren A. C. Türkiye’de Göç ve Göçmen Meseleleri. İstanbul: Nurgök Matbaası, 1966. 119 s.
7. Eryılmaz B. Osmanlı Devletinde Nüfus Sayımları ve Nüfusun Yapısı // Türk İdare Dergisi. 1988. № 380. S. 69-91.
8. Habıçoğlu B. Kafkasya’dan Anadolu’ya Göçler. İstanbul: Nart, 1993. 187 s.
9. Issawi C. The Economic History of Turkey (1800-1914). Chicago: University of Chicago Press, 1980. 404 p.
10. Karpat K. H. Ottoman Population (1830-1914): Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 242 p.
11. Şentürk M. H. Osmanlı Devleti’nde Bulgar Meselesi (1850-1875). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1992. 401 s.
12. Sultan Abdülhamit. Siyasi Hatıratım. İstanbul: Dergah, 1987. 179 s.
13. Ubcini A. Letters on Turkey. L.: J. Murray, 1856. 358 p.

**IMMIGRATION POLICY OF THE OTTOMAN EMPIRE
AT THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Chochiev Georgii Vital'evich, Ph. D. in History

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
georg-choch@yandex.ru*

In the XVII century the Ottoman Empire faced an acute problem of depopulation of the countryside and, as a result, a fall in tax revenues and reduction in the sources of the army needs support. This actualized for Istanbul authorities the task of finding new resources for replenishing the agrarian tax and military liable population. The influx of Muslim immigrants and refugees that started in the last quarter of the XVIII century from lost possessions and spheres of influence of Porte provided it with the necessary demographic “material”. From this time until the beginning of the XX century the stimulation and regulation of immigration was one of the most important directions of Ottoman state policy.

Key words and phrases: The Ottoman Empire; demographic crisis; immigration; Resettlement Commission; Pan-Islamic policy.

УДК 75.01:72.021.2

Искусствоведение

В статье рассматриваются вопросы влияния компьютерных технологий на создание художественного образа в декоративной живописи и архитектурно-дизайнерском проектировании, их взаимовлияния. Автор обосновывает положение о том, что влияние современных компьютерных технологий на образ в декоративной живописи и проектной культуре требует научного исследования процесса создания художественного образа в архитектуре и дизайне от декоративных цветографических интерпретаций в живописи до современного проектного языка.

Ключевые слова и фразы: художественный образ; декоративная живопись; архитектурная колористика; архитектурное проектирование; искусство; дизайн.

Шадури Александр Владимирович, доцент

*Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, г. Барнаул
schadurin@mail.ru*

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ТЕХНИКА КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ
СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ДЕКОРАТИВНОЙ ЖИВОПИСИ
И АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ**

Художественный образ, согласно современной эстетике, – всеобщая категория художественного творчества, специфический способ освоения действительности, который, позволяя говорить об искусстве как особой форме познания, в то же время отличает эту форму познания от всякой иной. Художественный образ